

УДК 342.7-055.2(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-3-187-197

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. Рылова

Аннотация. Анализируется государственная политика Кыргызской Республики в сфере защиты прав женщин 2010–2025 гг. Рассматриваются нормативно-правовые основы обеспечения гендерного равенства и механизмы реализации соответствующих программ и стратегий. Особое внимание уделено законам о равных правах и о защите от семейного насилия, деятельности государственных органов и неправительственных организаций. Отмечено, что, несмотря на развитую правовую базу, на практике сохраняются такие проблемы, как домашнее насилие, практика «ала качуу», ограниченное представительство женщин в органах власти и устойчивость традиционных гендерных стереотипов. Проведено краткое сравнение с другими странами Центральной Азии. Научная новизна заключается в комплексной оценке изменений, включая реформы 2022–2024 гг., и формулировании рекомендаций по усилению правоприменения, межведомственной координации и поддержке кризисных центров.

Ключевые слова: гендерное равенство; права женщин; государственная политика; домашнее насилие; «ала качуу»; Кыргызстан.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДА АЯЛДАРДЫН УКУКТАРЫН КОРГОО БОЮНЧА МАМЛЕКЕТТИК САЯСАТТЫ ИШКЕ АШЫРУУ: ЧАКЫРЫКТАР ЖАНА КЕЛЕЧЕГИ

Е.В. Рылова

Аннотация. Макалада 2010–2025-жылдары Кыргыз Республикасында аялдардын укуктарын коргоо боюнча мамлекеттик саясаттын ишке ашырылышы талданат. Гендердик тең укуктуулукту камсыз кылган мыйзамдык база, улуттук программалар жана мамлекеттик органдардын иш-милдеттери каралган. Аялдардын укуктарын коргоо боюнча оң кадамдарга карабастан, үй-бүлөлүк зомбулук, кыз ала качуу сыяктуу салтташкан практикалар, аялдардын бийлик органдарында жетишсиз өкүлчүлүгү жана социалдык стереотиптер көйгөй бойдон калууда. Борбор Азия өлкөлөрүндөгү абал менен салыштыруулар жүргүзүлгөн. Изилдөөнүн жаңылыгы – акыркы мыйзамдык реформаларды (2022–2024-жж.) эске алуу менен гендердик саясаттын натыйжалуулугун баалоо жана укук колдонуу практикасын күчөтүү, мекемелер аралык координацияны жакшыртуу жана кризистик борборлорду колдоо боюнча сунуштарды иштеп чыгууда.

Түйүндүү сөздөр: гендердик теңчилик; аялдардын укуктары; мамлекеттик саясат; үй-бүлөлүк зомбулук; «ала качуу»; Кыргызстан.

IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF THE KYRGYZ REPUBLIC ON THE PROTECTION OF WOMEN'S RIGHTS: CHALLENGES AND PROSPECTS

E.V. Rylova

Abstract. The article examines the implementation of state policy on the protection of women's rights in the Kyrgyz Republic in 2010–2025. It analyzes the legal framework ensuring gender equality, national mechanisms supporting gender reforms, and the role of state bodies and nongovernmental organizations. Despite the existence of progressive legislation, challenges such as domestic violence, bride kidnapping (ala kachuu), limited representation of women in political decision-making, and persistent traditional stereotypes remain significant barriers. A brief comparison with other

Central Asian countries highlights common regional trends and specific features of Kyrgyzstan. The novelty of the study lies in a comprehensive assessment of recent legislative reforms (2022–2024) and in developing recommendations to strengthen law enforcement, interagency coordination, and support for crisis centers.

Keywords: gender equality; women's rights; state policy; domestic violence; «ala kachuu»; Kyrgyzstan.

Введение. Кыргызская Республика (КР) декларирует равные права и возможности для женщин и мужчин и выстроила базовую нормативную архитектуру гендерного равенства: Конституция КР, Закон КР «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» (2008), а также законодательство о противодействии семейному насилию (2003; новая редакция 2017). Приняты национальные стратегии (до 2020 и до 2030 гг.), введены гендерные квоты. Однако фактическое положение женщин заметно расходится с декларируемыми стандартами: устойчивые разрывы в социально-экономическом статусе, сохраняется высокий уровень гендерно обусловленного насилия, институциональные механизмы защиты прав функционируют неравномерно. Противоречие между развитой нормативной базой и ограниченной результативностью её реализации и составляет ядро исследуемой проблемы.

Актуальность и новизна. В 2010–2025 гг. на фоне политических трансформаций усилились как консервативные социальные тенденции, так и активность НПО и правозащитных инициатив; обновлялись стратегии и подзаконная база, расширялись меры процессуальной и социальной защиты. При этом наблюдаются резонансные случаи нарушения прав женщин и дефицит межведомственной координации. В отечественной науке отсутствуют целостные работы, которые в единой рамке сопоставляют нормы, институты, практику и измеримые результаты за указанный период, а также системно сравнивают опыт КР с соседними странами Центральной Азии. Новизна исследования заключается в комплексной оценке эффективности государственной политики по защите прав женщин в КР за 2010–2025 гг. с опорой на нормативный анализ, институциональную диагностику, эмпирические данные и региональные сопоставления [1].

Гипотеза. Наличие прогрессивной правовой и институциональной базы само по себе

не обеспечивает снижения уровня гендерно обусловленного насилия и расширения участия женщин в общественно-политической жизни; ключевым ограничителем выступают пробелы реализации: слабая межведомственная координация, неунифицированные процедуры, кадровые и ресурсные дефициты, а также стойкие социокультурные барьеры. Повышение эффективности возможно за счёт управляемых изменений в правоприменении и администрировании политики, дополняемых адресными просветительскими мерами.

Цель исследования – дать комплексную оценку эффективности государственной политики Кыргызской Республики в сфере защиты прав женщин в 2010–2025 гг. и выработать практико-ориентированные рекомендации по повышению её результативности.

Задачи исследования:

1. Систематизировать эволюцию нормативно-правовой базы и выявить ключевые институциональные механизмы реализации.
2. Проанализировать организацию правоприменения: распределение полномочий, межведомственную координацию, стандарты процедур и подготовки кадров.
3. Оценить динамику и структуру проблем на основе доступной статистики и эмпирических данных.
4. Идентифицировать узкие места реализации и их влияние на результативность мер.
5. Сформулировать рекомендации по совершенствованию правоприменения и администрирования политики.

Материалы и методы исследования. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты Кыргызской Республики, государственные программы и стратегические документы, официальные статистические данные, отчеты международных организаций, а также исследования и публикации отечественных и зарубежных авторов по данной тематике. В качестве эмпирического материала

использованы конкретные кейсы – наиболее резонансные примеры нарушений прав женщин и примеры успешных инициатив.

Методологическая основа работы опирается на совокупность общенаучных и специальных методов анализа. В исследовании применён системный подход, позволяющий рассматривать нормативно-правовую базу и институциональные механизмы государственной политики в сфере гендерного равенства как взаимосвязанный и функционально организованный комплекс.

Использован сравнительно-правовой метод, в рамках которого практика Кыргызской Республики сопоставлена с опытом государств Центральной Азии и с международными стандартами, что позволило определить как области прогресса, так и направления, требующие совершенствования. Применён структурно-функциональный анализ национального механизма обеспечения равных прав и возможностей, включая оценку компетенций профильных государственных органов, межведомственных координационных структур и их взаимодействия с институтами гражданского общества.

Значимую роль в работе сыграли методы статистического анализа: осуществлена обработка и интерпретация показателей, отражающих динамику гендерно обусловленного насилия, участие женщин в системе государственного управления и распределение социальных ролей. Это обеспечило количественную оценку выявленных тенденций. Дополнительно использован социологический подход, включающий обращение к данным опросов и исследований общественного мнения, что позволило учитывать особенности восприятия гендерных проблем населением.

Для выявления причинно-следственных связей между нормативными решениями и практиками их реализации применён кейс-стади, что способствовало более глубокому пониманию факторов, препятствующих эффективности государственной политики. Теоретическую основу исследования составили труды в области гендерных исследований, феминистской юридической теории, социально-правового анализа, а также концептуальные документы и аналитические материалы международных организаций.

Нормативно-институциональные основы гендерной политики в Кыргызской Республике. Правовая база обеспечения равных прав женщин и мужчин. Конституция КР (2010) закрепляет принцип равноправия полов и недопустимость дискриминации, задавая рамку для отраслевого регулирования. Специальный Закон КР «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» от 4 августа 2008 года № 184 институционализировал этот принцип в политической, социальной, трудовой и семейной сферах, установил запрет дискриминации по признаку пола, обязанность государственных органов обеспечивать баланс участия женщин и мужчин в публичном управлении, а также механизмы специальных мер (квоты) и гендерной экспертизы проектов НПА [2]. Норма о том, что в избирательных списках доля каждого пола не может быть менее 30 %, стала основой квотирования представительства женщин в Жогорку Кенеше и местных кенешах. Поправки 2011 г. конкретизировали инструменты реализации закона, включая ответственность должностных лиц за нарушение требований равенства [2].

Защита от семейного насилия. Закон КР «О социально-правовой защите от семейного насилия» впервые закрепил понятие «насилие в семье» и меры защиты пострадавших [3]. Ограниченная результативность раннего регулирования обусловила принятие нового Закона КР «Об охране и защите от семейного насилия» (2017), расширившего перечень форм насилия, установившего обязательную регистрацию обращений независимо от личности заявителя, трехуровневую систему защитных ордеров и усиленную ответственность за их нарушение. Закон предусматривает доступ к защите и социальным услугам вне зависимости от наличия уголовного преследования, что существенно повысило процессуальные гарантии жертв [4].

Уголовно-правовые и семейно-правовые механизмы. Уголовный кодекс КР (ред. 1997, 2017, 2021) устанавливает ответственность за половые преступления и насилие, включая квалифицирующие признаки, связанные с уязвимостью потерпевшей или семейно-бытовым контекстом. До реформ сохранялись пробелы

правоприменения. Существенным направлением корректировки стало ужесточение ответственности за принуждение к браку и похищение женщин («ала качуу»): поправки 2013 г. повысили санкции до 5–7 лет лишения свободы и расширили охрану несовершеннолетних [5]. В 2016 г. принят запрет на религиозный обряд бракосочетания при несоблюдении минимального брачного возраста, включая ответственность священнослужителей за венчание с несовершеннолетней, что усилило профилактику детских браков [6].

К 2020 г. сформирован комплекс нормативных гарантий – от конституционных положений и специального гендерного законодательства до уголовно- и семейно-правовых норм, учитывающих гендерную специфику и обеспечивающих многоуровневые механизмы защиты прав женщин. Эффективность этой системы детерминирована качеством правоприменения, межведомственной координацией и устойчивостью институциональных практик, что требует постоянной оценки и корректировки.

Национальные стратегии и программы.

Правовые нормы обеспечивают равенство лишь при наличии последовательной государственной политики и ресурсного обеспечения. В Кыргызстане такая политика формировалась через систему стратегических документов, разработанных при участии международных организаций. Базовыми стали ранние программные акты: Национальная программа «Аялзат» (1996–2000) и последующие Национальные планы действий (НПД) по достижению гендерного равенства (на 2002–2006, 2007–2010, 2012–2014 гг.), предусматривавшие гендерную экспертизу управленческих решений, меры по расширению участия женщин в управлении, профилактику насилия и развитие гендерно-разделённой статистики. Их реализация носила неполный характер вследствие институциональной нестабильности и хронического дефицита финансирования.

Долгосрочную рамку задала Национальная стратегия достижения гендерного равенства до 2020 года (утв. в июне 2012 г.), охватившая политическое участие, экономические возможности, здравоохранение, образование и противодействие насилию. На её основе принимались

НПД 2015–2017 и 2018–2020 гг. Результаты оценивались как смешанные: совершенствована нормативная база (в т. ч. в части противодействия насилию и квотирования), улучшено качество статистики, однако ключевые целевые индикаторы – уровень насилия и представительство женщин во власти – достигнуты не в полной мере [7, 8].

Следующим этапом стала Национальная стратегия по достижению гендерного равенства до 2030 года (утв. в сентябре 2022 г.), закрепившая равенство женщин и мужчин как условие социально-экономического развития. Документ структурирован по пяти приоритетам:

- 1) экономическое расширение прав и возможностей женщин;
- 2) культурная политика и функциональное образование с учётом гендерной специфики;
- 3) защита от дискриминации и доступ к справедливому правосудию;
- 4) равное политическое участие;
- 5) совершенствование нормативной политики и институциональных механизмов.

Стратегия предусматривает интеграцию гендерных индикаторов во все государственные и отраслевые программы, а её реализация обеспечивается очередными НПД (в т. ч. на 2023–2025 гг.) [9].

Параллельно действуют специализированные документы: Национальный план действий по выполнению резолюции СБ ООН № 1325 «Женщины, мир, безопасность» (с 2013 г.), программы противодействия торговле людьми, инициативы в сфере репродуктивного здоровья и повышения грамотности женщин в сельских районах [10]. В совокупности эта архитектура стратегического планирования формирует нормативно-политическую основу гендерного равенства, однако эффективность её реализации зависит от устойчивого межведомственного взаимодействия, ресурсного обеспечения и регулярного мониторинга целевых показателей.

Институциональный механизм реализации государственной гендерной политики. Начиная с середины 1990-х годов формировалась институциональная база, призванная координировать гендерную политику: в 1996 г.

при Правительстве создана Государственная комиссия по делам семьи, женщин и молодежи; в 1998 г. при Президенте – Национальный совет по гендерной политике. Эти структуры обеспечивали межведомственное взаимодействие и привлечение гражданского общества. В начале 2000-х годов последовали структурные изменения: комиссия при Правительстве упразднена, компетенции Национального совета расширены. Указом Президента Кыргызской Республики от 13 февраля 2006 года статус совета повышен, в состав включены члены Правительства и представители НПО; в Администрации Президента сформирован сектор социальной и гендерной политики, учреждена должность специального представителя Президента по гендерному развитию в Жогорку Кенеше [11].

После политических изменений 2010 г. функции координации передавались разным ведомствам. Профильного министерства по делам женщин не создавалось, однако в структуре социального блока действовал специализированный отдел. Во всех центральных и региональных органах власти назначались гендерные координаторы, отвечающие за интеграцию гендерного измерения в отраслевые программы и мониторинг показателей.

В 2021–2022 годах, на фоне административной реформы, акцент смещен к консолидации управления на уровне Кабинета министров КР. В ноябре 2024 г. образован Национальный совет по делам семьи, гендерному развитию, социальной защите и защите прав детей при Кабинете министров – межведомственная площадка для согласования политики, выработки мер по предупреждению дискриминации и насилия, продвижения женского лидерства и предпринимательства, защиты прав детей.

Парламентский уровень представлен профильным комитетом Жогорку Кенеша по социальной политике, рассматривающим инициативы в сфере семьи и гендерного равенства. В системе МВД КР функционируют подразделения по противодействию насилию в семье и должности инспекторов по защите семьи и детей на районном уровне. Судебная система обеспечивает выдачу охранных ордеров в гражданско-правовом порядке. Институт

Уполномоченного по правам человека ежегодно анализирует положение женщин и формулирует адресные рекомендации органам власти.

Формально сложена разветвленная сеть координационных и исполнительных звеньев, охватывающая выработку политики, правоприменение и мониторинг. Вместе с тем устойчивость результатов зависит от согласованности действий между ведомствами, ресурсного обеспечения на местах и полноты обратной связи с НПО; указанные аспекты требуют дальнейшей институционализации и процессуальной регламентации.

Гендерно-обусловленное насилие: масштабы и институциональные изъяны реагирования. Доступные административные данные и независимые исследования фиксируют устойчиво высокий уровень домашнего насилия в Кыргызстане. По разным оценкам, почти каждая третья женщина сталкивалась с физическими либо психологическими формами насилия со стороны супруга или партнёра (HRW; данные опросов) [12]. Государственная статистика подтверждает неблагоприятную динамику регистраций: после 7–8 тыс. обращений в 2017 г. их число достигло 13 104 случаев в 2023 г., а за январь–октябрь 2024 г. зарегистрировано 14 293 факта, что существенно превышает сопоставимый период предыдущего года (МВД КР). Женщины составляют подавляющее большинство потерпевших [13].

Ключевая дисфункция – «сдвиг» дел в административно-деликтную плоскость. Даже при росте обращаемости и ужесточении отдельных норм соотношение уголовных дел к общему числу регистраций остаётся крайне низким. За 10 месяцев 2024 г. возбуждено 447 уголовных дел ($\approx 3,1$ % от зарегистрированного массива), из которых до суда дошло 276 ($\approx 1,9$ %). Значительная доля материалов заканчивается административными протоколами (ст. 70 Кодекса о проступках – побои, лёгкий вред), что влечёт короткие задержания, штрафы или общественные работы и не создаёт должного превентивного эффекта [13]. В практиках остаются факторы «социального торможения»: давление родственников на потерпевших, экономическая зависимость, стигматизация, а также склонность отдельных

сотрудников к минимальной квалификации инцидентов и примирительным стратегиям.

В августе 2024 г. принят пакет поправок, исключивший возможность прекращения дел о сексуальном насилии по примирению сторон, усиливший санкции за побои и криминализировавший повторность. Это шаг к снижению виктимизации и давления на жертв, однако применимость новелл к «ядру» бытового насилия ограничена: при отсутствии квалифицирующих последствий значительная часть эпизодов по-прежнему «оседает» в административной юрисдикции [6]. Формально полиция обязана выдавать краткосрочные охранные ордера; на практике наблюдаются отказы, задержки и недостаточный контроль исполнения. Резонансные случаи последних лет демонстрируют слабость механизмов защиты при реальной угрозе жизни и здоровью, что указывает на необходимость процедурного контроля и персональной ответственности за неисполнение ордеров [14].

Несмотря на многолетнюю уголовную запретительность и ужесточение санкций (в т. ч. после 2013 г.), правоприменение остаётся непоследовательным. Барьеры – поздняя регистрация сообщений, «неформальные» договорённости семей, давление на потерпевших. Масштабные трагедии (Бурулай Турдаалы кызы, Айзада Канатбекова) вскрыли системные сбои управленческого и процессуального контроля, подтвердив необходимость постоянной профилактической и информационной работы наряду с неотвратимостью наказания.

Гендерно обусловленное насилие в Кыргызстане сохраняет характер системной социальной проблемы, коренящейся в устойчивых патриархальных нормах, экономической зависимости женщин, недостаточном уровне профилактики и слабости механизмов правоприменения: несмотря на совершенствование законодательства и нормативных процедур защиты, значительная часть случаев домашнего насилия остается в сфере административных проступков, наказания зачастую носят символический характер.

Участие женщин в политической и общественной жизни. Одним из ключевых индикаторов реализации государственной гендерной политики выступает степень участия женщин

в процессах принятия политических и управленческих решений. На начальном этапе становления государственности Кыргызской Республики гендерное представительство в органах власти отличалось выраженным дисбалансом: по итогам парламентских выборов 2005 г. в Жогорку Кенеше не оказалось ни одной женщины-депутата (0 %). Изменение ситуации стало возможным после введения в 2007 г. механизма гендерных квот, согласно которому каждый партийный список должен включать не менее 30 % представителей одного пола, а разрыв в позиционировании кандидатов не может превышать трёх мест [2].

Это позволило по итогам выборов 2007 и 2010 гг. увеличить долю женщин в парламенте до 16 % и 25,5 %, соответственно, что на тот момент являлось одним из наиболее высоких показателей в регионе. Однако практика добровольного отказа отдельных депутаток от мандатов в пользу кандидатов-мужчин, зафиксированная после выборов 2015 г., вновь привела к снижению их доли, что потребовало законодательного закрепления запрета на подобные действия, если они нарушают квотные пропорции [2].

С учётом конституционной реформы 2021 г. и перехода к смешанной избирательной системе (36 одномандатных округов без квот) доля женщин в Жогорку Кенеше снизилась, но при текущем составе парламента (2024 г.) составляет около 22,2 % (20 депутатов из 90), что сопоставимо со среднемировым уровнем (около 26 %), однако ниже, чем в ряде соседних государств, где гендерные квоты реализованы более последовательно. В исполнительной власти гендерный баланс выражен слабее: по состоянию на 2024 г. женщины занимают примерно 12–13 % министерских должностей. В судебной системе доля женщин достигает около 30 %, включая опыт их руководства высшими судебными органами. Наиболее показательна динамика на местном уровне: вследствие введения 30%-й квоты на выборах в местные кенешы доля женщин среди депутатов органов местного самоуправления в 2024 г. достигла 43 % (против 9 % в 2019 г.), что демонстрирует потенциал квот как инструмента расширения политического участия (таблица 1).

Таблица 1 – Доля женщин в органах государственной власти и управления
(сводные данные) [6, 12]

Уровень или институт власти	Показатель (последние доступные данные)
Жогорку Кенеш (VII созыв, 90 депутатов)	22,2 %
Местные кенешы (итоги выборов)	43 %
Кабинет министров	~12–13 %
Судебная система (общая доля судей)	~30 %
Государственная гражданская служба (в целом)	~41 %
Женщины на высших руководящих постах в госорганах	~9 %

Несмотря на количественный прогресс, ключевым остаётся вопрос качества участия: наличие формального представительства не гарантирует институционализированного влияния на политическую повестку. В последние годы сформировались межфракционные женские парламентские объединения, ориентированные на продвижение законопроектов в области защиты прав женщин и детей, профилактики насилия и расширения социально-экономических возможностей. При этом сохраняются социально-культурные ограничения, поддерживаемые традиционными гендерными ролями, неравномерным распределением семейных обязанностей и структурными препятствиями карьерного роста [15].

В экономике женщины продолжают оставаться преимущественно в низкооплачиваемых отраслях с ограниченными возможностями профессионального продвижения, что воспроизводит гендерный разрыв в оплате труда и уровне экономической самостоятельности. Недавние меры – отмена перечня запрещённых для женщин профессий (2021 г.), развитие программ женского предпринимательства и государственная стратегия развития женского лидерства до 2030 г. – направлены на формирование устойчивых условий для повышения роли женщин в управлении и социальной сфере, однако требуют последовательной институциональной поддержки и непрерывной работы по преодолению культурно-нормативных барьеров [15].

Государственная политика в сфере обеспечения равных прав и возможностей включает меры,

направленные на трансформацию общественных представлений о социальной роли женщин и мужчин. В Национальной стратегии КР по достижению гендерного равенства до 2030 г. [10] отдельное внимание уделено формированию гендерной культуры и развитию образовательных программ, ориентированных на осмысление принципов равноправия. В рамках данных мероприятий реализуются просветительские программы в образовательных учреждениях, информационные кампании в СМИ, театральные и кинопроекты, направленные на преодоление укоренённых стереотипов и норм, оправдывающих дискриминационные практики [16].

Значимая роль в этом процессе принадлежит неправительственным организациям, на протяжении десятилетий выступающим инициаторами реформ, организаторами кризисных центров и служб поддержки пострадавших, а также партнёрами государства при разработке законодательства. Принятие Закона Кыргызской Республики «О предупреждении и защите от насилия в семье» (2017 г.) и поправок по ужесточению ответственности за похищение женщин с целью принудительного вступления в брак (2013 г.) во многом стало результатом целенаправленной адвокационной деятельности женских объединений.

Наряду с этим, гражданское общество обеспечивает восполнение структурных дефицитов в сфере социальной защиты. В регионах действуют кризисные центры и группы общинной медиации («Советы матерей», «Женщины-миротворцы»), которые применяют практики

посредничества и сопровождения семей, находящихся в ситуации риска. В сотрудничестве с международными организациями НПО инициировали программы развития женского лидерства, поддержки женского предпринимательства, а также содействовали увеличению доли женщин в органах полиции, обеспечивая повышение доверия пострадавших к правоохранительным структурам [15].

Однако принятый в 2023 г. закон об «иностранных представителях», обязывающий НПО, получающие внешнее финансирование и осуществляющие публичную деятельность, проходить специальную регистрацию, вызвал обоснованные опасения о возможном ограничении пространства для гражданской активности. Международные эксперты (в т. ч. Венецианская комиссия) указали на несоответствие отдельных положений закона международным стандартам и риски сокращения институтов, обеспечивающих защиту прав женщин. Сужение возможностей НПО способно негативно отразиться на эффективности реализации государственной гендерной политики, поскольку именно они обеспечивают большую часть профилактической, просветительской и социально-реабилитационной работы в данной сфере.

Перспективы и рекомендации по совершенствованию государственной политики защиты прав женщин. Анализ современных тенденций и затруднений в реализации государственной политики в сфере защиты прав женщин в Кыргызской Республике позволяет определить направления, требующие дальнейшего институционального укрепления. В качестве основной цели рассматривается повышение эффективности мер по предупреждению гендерно обусловленного насилия, расширению участия женщин в принятии решений и формированию устойчивой социальной среды, основанной на принципах равноправия и уважения человеческого достоинства [16].

1. Укрепление правоприменения и повышение эффективности механизмов ответственности. Ключевое значение имеет обеспечение реальной неотвратимости наказания за преступления против женщин. Приоритетными мерами представляется:

- полноформатная имплементация законодательных изменений 2023–2024 гг., включая отмену института примирения по делам о сексуализированном насилии и усиление ответственности за повторные акты домашнего насилия;
- введение показателей результативности для подразделений ОВД (доля выданных охранных ордеров, доля дел, доведённых до суда), а также проведение служебных расследований в случаях летального исхода или тяжкого вреда здоровью после обращения потерпевшей в правоохранительные органы;
- повышение квалификации следователей, прокуроров и судей в части гендерно-чувствительного правоприменения;
- обсуждение необходимости нормативного закрепления уголовной ответственности за систематическое домашнее насилие и прямого определения состава супружеского изнасилования.

2. Развитие инфраструктуры помощи и восстановительных программ. Для обеспечения комплексной поддержки пострадавших требуется системное государственное участие:

- создание сети кризисных центров в каждом областном центре с устойчивым бюджетным финансированием;
- совершенствование работы национальной линии экстренного реагирования, гарантирующей конфиденциальность и оперативность взаимодействия с правоохранительными органами;
- внедрение реабилитационных и правовых программ для пострадавших, включая помощь в вопросах развода, имущественных споров и опеки;
- институционализация обязательных коррекционных программ для правонарушителей с участием психологов и социальных работников.

3. Предупреждение практик принудительных браков и детских браков. Помимо уголовно-правового реагирования, необходимы долгосрочные меры социального и культурного воздействия:

- регулярные информационно-просветительские кампании против «ала качуу»

- и принудительных браков, ориентированные на молодёжь и сельские сообщества;
- включение вопросов прав человека и равноправия в школьные образовательные программы и религиозное просвещение;
- создание механизмов ранней идентификации несовершеннолетних, вовлечённых в брачные отношения, в том числе через системы здравоохранения и органы ЗАГС;
- публичное представление статистики осуждений по делам о похищении женщин как инструмента превенции.

4. Расширение участия женщин в процессах принятия решений. Для обеспечения качественного политического представительства необходимы:

- дальнейшее развитие механизмов гендерного квотирования в органах государственной службы и местного самоуправления;
- программы устойчивого наставничества, сетевого взаимодействия и профессиональной подготовки для женщин-кандидатов и государственных служащих;
- разработка этических регламентов для предотвращения дискриминационных и уничижительных практик в политической коммуникации;
- стимулирование политических партий к включению женщин в верхние сегменты списков и на одномандатные округа.

5. Расширение экономических возможностей женщин. Приоритет следует отдавать:

- созданию программ профессионального обучения и переобучения женщин, включая развитие компетенций в высокотехнологичных и предпринимательских секторах;
- поддержке женского предпринимательства через льготное кредитование, бизнес-инкубаторы и кооперативные модели;
- расширению сети доступных дошкольных учреждений как ключевого условия совмещения трудовой деятельности и материнства;
- внедрению механизма «гендерного аудита» на предприятиях для минимизации необоснованных различий в оплате труда.

6. Формирование культуры равноправия в обществе. Долгосрочный результат достигается за счёт:

- интеграции гендерного образования в школьные и вузовские программы;
- распространения позитивных образцов женского лидерства;
- включения мужчин в процессы трансформации гендерных отношений на уровне семьи и сообщества.

Комплексная реализация указанных мер предполагает сочетание правовых, институциональных и социально-культурных подходов и требует согласованных действий государства, гражданского общества и международных партнёров. Укрепление механизмов правоприменения, развитие инфраструктуры поддержки, повышение представительства женщин и формирование устойчивых ценностных установок равенства способны обеспечить снижение уровня гендерно обусловленного насилия, расширение возможностей женщин в политической и экономической сферах и усиление социальной стабильности в долгосрочной перспективе.

Заключение. Сформированная в Кыргызстане нормативно-правовая база в сфере гендерного равенства задаёт основу для проведения государственной политики, предусматривающей гарантии прав женщин, для развития механизмов участия в управлении и реализации профилактических и защитных мер. Вместе с тем выявляется несоответствие между формально закреплёнными нормами и фактическими практиками их исполнения. Домашнее насилие, случаи принудительных браков, ограниченное представительство женщин на высших уровнях принятия решений и сохраняющиеся социально-культурные стереотипы указывают на необходимость институционального укрепления правоприменительных механизмов, расширения инфраструктуры поддержки пострадавших, а также последовательной работы в сфере формирования общественных установок, направленных на признание равенства и недопустимости насилия.

Важная роль в продвижении преобразований принадлежит гражданскому обществу, в том числе женским правозащитным организациям и инициативным группам, выступающим проводниками экспертной, просветительской и социальной работы. Сохранение условий

для функционирования этих объединений, развитие партнёрства государства и общественных структур, а также расширение программ поддержки женского участия в политике и экономике могут способствовать постепенному укреплению равноправия. Перспективы дальнейшего развития государственной политики в данной сфере связаны с комплексным сочетанием нормативных, институциональных и социально-культурных инструментов, требующих последовательности, устойчивого ресурсного обеспечения и согласованности действий различных акторов.

Поступила: 01.12.2025;

рецензирована: 15.12.2025; принята: 17.12.2025.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года (с послед. изм.). Ст. 16. URL: <https://stat.gov.kg/media/files/1bfbed49-805c-4460-8988-dad9b7341f70.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Закон Кыргызской Республики от 04 августа 2008 года № 184 «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» (В редакции Закона КР от 14 июля 2011 года № 97). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30348359 (дата обращения: 10.11.2025).
3. Закон Кыргызской Республики от 25 марта 2003 года № 62 «О социально-правовой защите от семейного насилия». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3556 (дата обращения: 10.11.2025).
4. Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия». URL: https://awli.kg/wp-content/uploads/2020/08/3.ru_zakon-kr-ob-ohrane-i-zashhite-ot-semejnego-nasiliya-1.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
5. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW). Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Кыргызстана. CEDAW/C/KGZ/CO/5. Женева, 2021. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?Lang=en&symbolno=CEDAW%2FC%2FKGZ%2FCO%2F5 (дата обращения: 10.11.2025).
6. Human Rights Watch. Submission to the Universal Periodic Review of Kyrgyzstan. 2024. 11 Oct. URL: <https://www.hrw.org/news/2024/10/11/submission-universal-periodic-review-kyrgyzstan> (дата обращения: 10.11.2025).
7. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 27 июня 2012 года № 443 «О Национальной стратегии Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2020 года и Национальном плане действий по достижению гендерного равенства». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31220439 (дата обращения: 10.11.2025).
8. Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2020 года. URL: <https://awli.kg/wp-content/uploads/2020/08/pp-kr-ob-utverzhdennii-nacz.-strategiiaacz.-strategiya-po-dostizheniyu-gendernogo-ravenstva-do-2020.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
9. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 16 сентября 2022 года № 513 «О Национальной стратегии Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2030 года и Национальном плане действий по достижению гендерного равенства в Кыргызской Республике на 2022–2024 годы». URL: <https://shailoo.gov.kg/media/azamat/2023/01/27/16-2022-no-513.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
10. Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2030 года. URL: <https://mlsp.gov.kg/wp-content/uploads/2022/11/naczionalnaya-strategiya-kr-po-dostizheniyu-gendernogo-ravenstva-do-2030-goda.doc> (дата обращения: 10.11.2025).
11. Указ Президента Кыргызской Республики от 13 февраля 2006 года № 64 «Об утверждении Положения и состава Национального совета по вопросам женщин, семьи и гендерному развитию при Президенте КР». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30315561 (дата обращения: 10.11.2025).
12. Amnesty International. Kyrgyzstan // Amnesty International Report. 2023/24: The State of the World's Human Rights. London: Amnesty International, 2024. URL: <https://www.amnesty.org/en/location/europe-and-central-asia/eastern-europe-and-central-asia/kyrgyzstan/report-kyrgyzstan/> (дата обращения: 10.11.2025).
13. Министерство внутренних дел КР. Информация по семейному насилию за 10 месяцев 2024 года (официальные данные). Бишкек, 2024. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/domesticViolence/reports/40> (дата обращения: 10.11.2025).
14. Организация Объединённых Наций в Кыргызской Республике. Заявление ООН

- о насилии в отношении женщин (случай Айзады Канатбековой). 2021. 08 апреля. URL: <https://kyrgyzstan.un.org/en/124292-death-aizada-renews-call-society-end-kidnapping-women-forced-marriage> (дата обращения: 10.11.2025).
15. Тукубашева А.И. Соблюдение прав женщин в Кыргызской Республике / А.И. Тукубашева, Н.М. Дуйшеналиева // Вестник КРСУ. 2022. Т. 22. № 3. С. 124–128. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-3-124-128. URL: <https://vestnik.krsu.kg/article/download/7264> (дата обращения: 10.11.2025).
16. Осауленко С.А. Механизмы реализации политических прав женщин в Кыргызской Республике / С.А. Осауленко // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 1. С. 35–38. URL: <https://vestnik.krsu.kg/archive/117/5119> (дата обращения: 10.11.2025).